

Юрий Афанасьев: «Слово «свобода» не имело национального содержания»

Берлинская стена, возведенная в 1961 году, стала символом разделения человечества на два противоположных лагеря, символом противоборства двух миров – капиталистического и социалистического. В 1989 году «стена» рухнула – мир стал открытым. А в России началась эпоха перемен.

Юрий Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, депутат 1-го Съезда народных депутатов и основатель Российского государственного гуманитарного университета поделился с журналистом «Великой Эпохи» своими воспоминаниями и впечатлениями о времени «перестройки» в России, о событиях, активным участником которых он был.

– Юрий Николаевич, чем запомнилась Вам тот переломный 1989 год?

– В те годы я работал ректором Российского государственного гуманитарного университета. Кроме того, я был еще сопредседателем движения Демократическая Россия. Для меня этот год прошел очень динамично, потому что в Советском Союзе в то время не было другого, более массового движения. Помнится, мы организовывали и проводили многочисленные демонстрации, шествия, в которых участвовали десятки, сотни тысяч человек. Массовые манифестации проходили на Манежной площади в самом центре Москвы, на площади в Лужниках проводились огромные митинги.

– Против чего вы выступали? Чего хотел народ на этих митингах?

– Народ хотел многого и разного, но, прежде всего, мы выступали против 6 ст. Конституции СССР, то есть за отмену руководящей роли КПСС. Это было очень революционно для того времени.

Тогда же мы выступали за свободу Балтийских республик, в частности, во время волнений в Литве, в Вильнюсе несли лозунги «Руки прочь от Литвы». Эти выступления предотвратили большое кровопролитие там.

Еще были лозунги за свободу слова, за открытую экономику, за общечеловеческие ценности. Но все-таки нашим главным требованием было отменить 6 ст. Конституции, что и сделало возможным ее отмену в 1991 году, когда еще существовал Советский Союз.

– Неудивительно, что при такой бурной общественной деятельности Вас избрали депутатом 1-го Съезда народных депутатов.

– Про это время трудно рассказывать, для меня как будто все происходило вчера. Во-первых, это был съезд, на котором по-настоящему состоялись свободные выборы на альтернативной основе. В смысле открытости, альтернативности и осознанности это были настоящие демократические выборы, что ка-

залось невозможным в те годы. В этом и было самое большое достижение того периода.

В 1989 году состоялось первое заседание, на котором выступал Михаил Горбачев. На этом съезде была создана межрегиональная депутатская группа, в которую вошли 5 сопредседателей: Андрей Сахаров, Гавриил Попов, Борис Ельцин, Виктор Пальм и я.

Суть моей избирательной программы, если коротко, заключалась в следующем: «Жить богатым и сытым лучше, чем голодным и бедным». У меня было четко прописано, что я буду добиваться отмены 6 ст. Конституции. Вторым ключевым вопросом моей программы стоял вопрос о переустройстве Советского Союза из союзного государства в союз государств. Каждая союзная республика входила бы в нее как самостоятельное государство.

– Все ли республики были согласны с новой моделью федеративного обустройства?

– В 1989 году шли очень активные дискуссии между Горбачевым и руководителями союзных респу-

Можете себе представить, что в самом центре Москвы, в Кремле, во Дворце съезда, я с трибуны обращался к Президиуму: «Как вы, Михаил Сергеевич, можете позволить себе манипулировать залом, его большинством?», и обращался к залу: «Вы все видите, как вами дирижирует Горбачев, и терпите».

блики. Республики именно добивались того, чтобы это был союз государств. А Горбачев настаивал на том, чтобы все оставались в рамках союзных государств, как прежде. В то время волнения происходили повсюду: в Баку, Балтийских государствах, на Кавказе, люди были очень решительно настроены, выступали за суверенитет, за свободу от Москвы, с разной степенью активности.

Можно так сказать, весь 1989 год был наполнен движением народов за демократию, против монополии КПСС, против ее руководящей роли.

– Люди требовали перемен?

– Люди не только выходили на демонстрации протеста – они жадно вбирали все, что происходило тогда в правительстве. Особенно когда проходил 1-й съезд народных депутатов – весь народ был поглощен происходящими событиями, и все слушали по радио, даже на улицах.

Впервые за 70 лет правления коммунистов шел откровенный разговор, включая критику Полит-

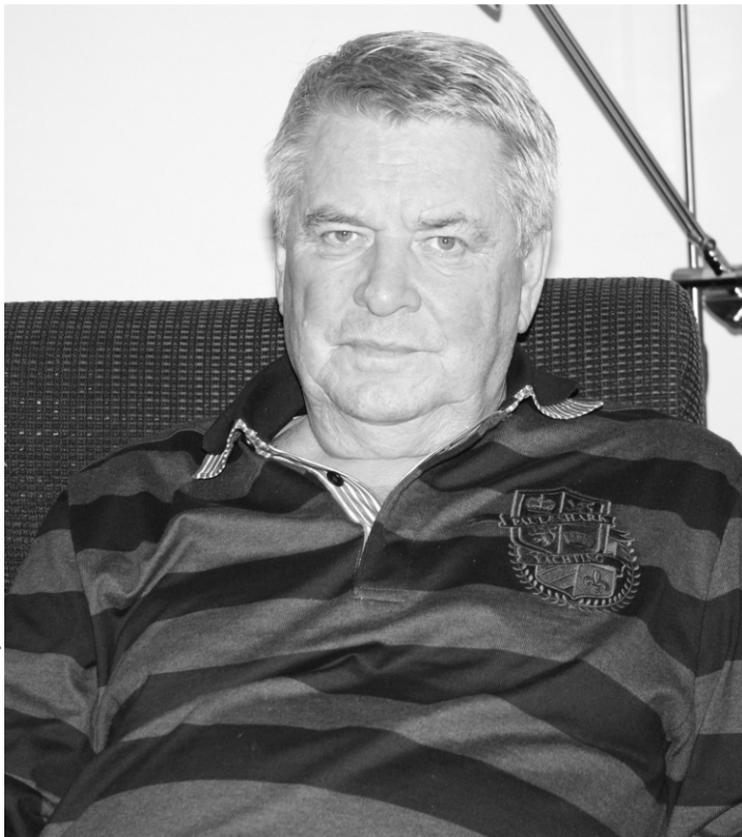

ФОТО: УЛЬЯНА КИМ/ВЕЛИКАЯ ЭПОХА

Юрий Афанасьев: «Выявились многочисленные «стены», которые снова разделяют мир и которые не менее значимы и не менее опасны, чем Берлинская стена до ее падения»

бюро. Сами коммунисты критиковали высшее партийное руководство – это было неслыханно!

Это было совершенно невиданно и неожиданно для всех, что оказывается, можно так вести себя в нашем обществе. Что можно не боясь демонстрировать человеческое достоинство и высказывать свои убеждения. Это было продемонстрировано впервые. В Советское время за подобные демонстрации просто расстреливали. В этом, наверное, и состоит огромное значение 1-го съезда в 1989 году.

Это случилось вопреки тому, что хотел Горбачев. В 1985 году он пришел к власти и внедрил слово «ускорение», а в 1986 году народ узнал слово «перестройка». В 1989 пришла «гласность», и тогда-то случилось то, чего никто не ожидал. Как раз гласность и повлекла критику центральной власти.

Вместе с гласностью появились новые газеты и журналы. Через эти газеты люди узнавали правду о ГУЛАГе, стало возможным писать о Солженицыне, читать «Архипелаг ГУЛАГ». Как раз в это время Андрей Сахаров приезжает в Москву из Горького по инициативе Горбачева.

Сама по себе это была бурная эпоха, принесшая новое видение мира, страны, открытие правды о своем прошлом, о преступлениях сталинского режима, о массовых репрессиях. Тогда же появилось

общество Мемориал, я и Сахаров были сопредседателями в нем. Началась реабилитация всех погибших во времена сталинских репрессий.

– А как отнеслись в стране к разрушению Берлинской стены?

– По поводу Берлинской стены у нас не было никакого ликования. В Европе – да, но здесь, в России, оно не переживалось как большое событие. Вот ведь и развал Советского Союза тоже не переживался в России как большое событие. Ну, собрались они там, в Беловежской Пуще, приняли решение, большинство людей, собственно, не очень поняли, что произошло. Даже не задумывались, и хорошо, что толком не задумывались. Путин назвал это событие величайшей катастрофой, так же как и образование России в 1991, но для большинства это не было катастрофой, на самом деле.

– Как Вы оцениваете для себя

Слово «свобода» не имело национального содержания. Оно советскими людьми воспринималось как освобождение от монопольной власти компартии, согласно 6 ст. Конституции. Всякий национальный окрас глушился, социальное рабство и свобода были главенствующими в тот момент. Новая Россия, что олицетворялась как империя, еще не осознавалась народом в то время.

это событие?

– За крушением Берлинской стены последовало действительное сближение между государствами. Опять же, в связи с этим потом пришло понятие о «новом мышлении» от Горбачева: миры социализма и капитализма могут и должны жить в мире, что подразумевало торжество общечелове-

ческих ценностей.

И тогда казалось, что противостояния двух миров больше нет, и стены, которая делит человечество на два лагеря, тоже больше нет. Теперь мы открыты миру, можем свободно ездить в любую страну, имеем доступ к любой информации, в этом смысле стены тоже не существует. Как оказалось, люди в том мире живут совсем не так, как внушала советскому народу компартия. И человек человеку не враг, и нет капитализма «со звериным лицом». То есть, в этом смысле падение стены было грандиозным событием.

По мере удаления по времени от этих событий, становится понятным, что разделения на два мира уже нет, но выявилось огромное количество других «стен», которые разделяют современное человечество.

– Не могли бы Вы пояснить этот момент?

– Разделение на два лагеря отменяло наличие других «стен». Сейчас явно проступает огромное количество «стен», основанных на конфессиональной, этнической, национальной основе. Говорят о различии между Западом и Востоком, между Севером и Югом, стали говорить о возможном торжестве желтой и черной расы, о том, что белая раса сходит с исторической сцены. Я хочу сказать, что выявились многочисленные «стены», которые снова разделяют мир и которые не менее значимы и не менее опасны, чем Берлинская стена до ее падения.

Россия по-прежнему противостоит современному миру. Но только уже как империя, как Россия царских времен. То есть продолжают существовать два разных мировидения, два разных мироощущения, две разные категории ценностей между Россией и миром.

– Означает ли это, что «новое мышление» по Горбачеву не реализовалось?

– Скажем так, новое мышление не восторжествовало. Наоборот, в России реанимировались ценност-

ные установки более давних времен. У истоков Второй мировой войны стояли не только СССР и Германия. Какую-то долю ответственности несут и западные страны. Но Советский Союз несет ровно такую же ответственность, что и Германия, или чуть поменьше, но несет. В этом смысле

и проявилось стремление к империи, схватка между двумя режимами – капиталистическим и социалистическим.

Стена пала, давайте порадуемся, но мир так устроен, что вместе с радостью приходят горе и печаль.